

М. Кошуровскому М. Кошуровскому Рязанскому

X

отъ автора

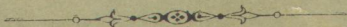
Б. М. Ляпуновъ.

ЗАМѢТКИ

ОБЪ

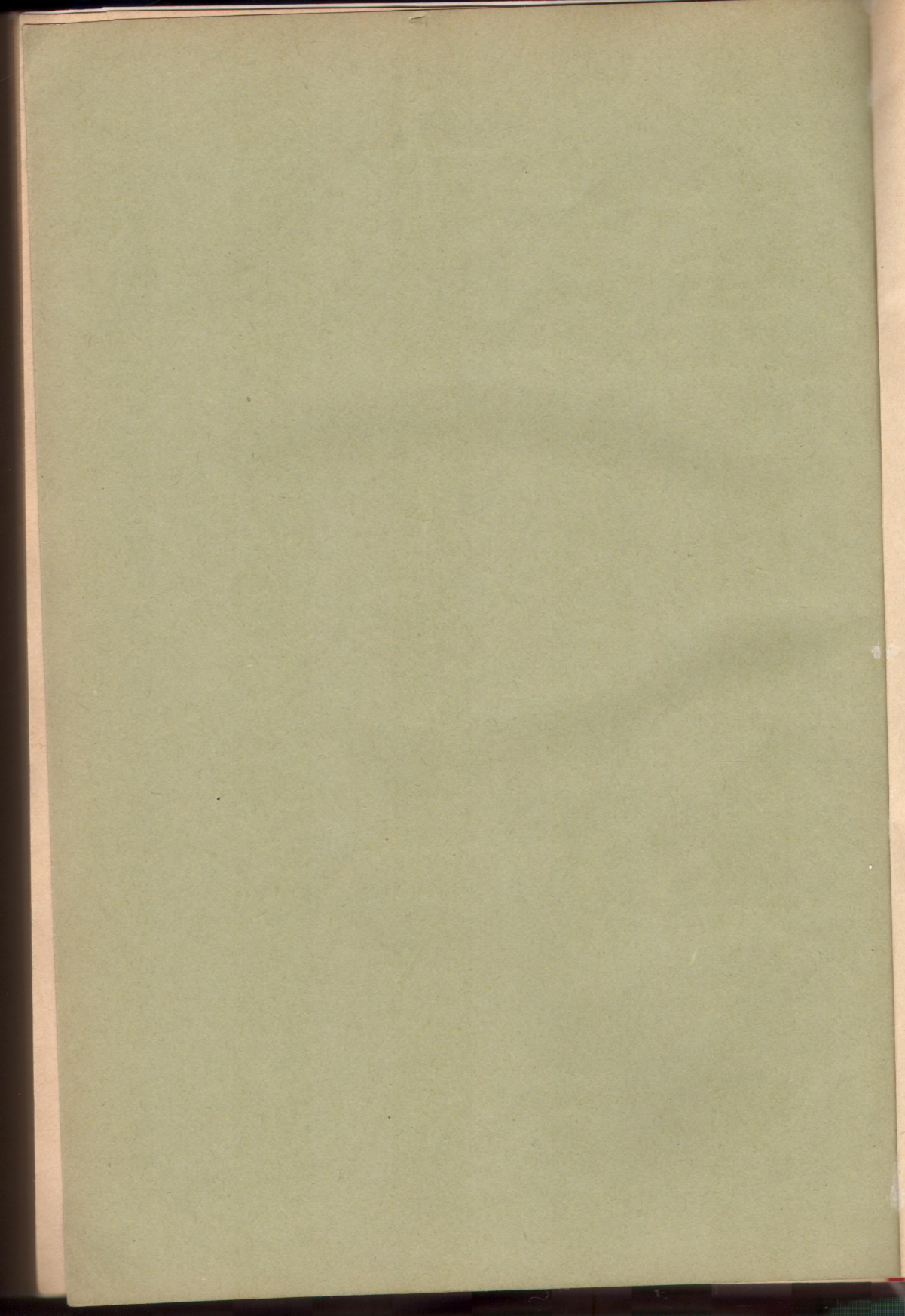
„ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКОЙ ФОНЕТИКИ“

А. А. Шахматова.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25-й.
1894.

А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русекой фонетики. Варшава, 1893.

Въ прошломъ году русская лингвистическая литература обогатилась трудомъ, который долженъ занять въ ней несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ. Трудъ этотъ принадлежитъ молодому ученому А. А. Шахматову и подъ означеннымъ выше заглавiемъ напечатанъ въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“, а затѣмъ вышелъ и отдѣльно. Представленный въ Московскій университетъ въ качествѣ диссертациі на степень магистра, этотъ трудъ былъ такъ высоко оцѣненъ историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета, представителями котораго въ данномъ случаѣ были такіе компетентные лингвисты, какъ профессора Ф. Θ. Фортунатовъ и Θ. Е. Коршъ, а также Р. Θ. Брандтъ и В. Θ. Миллеръ, что рѣшено было ходатайствовать о присужденіи автору степени доктора.

Хотя автору не больше 30 лѣтъ, однако онъ давно уже успѣлъ занять очень почетное мѣсто въ ряду изслѣдователей русскаго, а частію и другихъ словянскихъ нарѣчій; можно прямо сказать, что послѣ смерти А. А. Потебни ему принадлежитъ первое мѣсто среди изслѣдователей въ этой области. Еще будучи въ старшихъ классахъ гимназіи, онъ на ряду съ настоящими учеными самостоятельно изучалъ древнерусскіе памятники, хранящіеся въ богатыхъ московскихъ библіотекахъ. Тогда уже, т. е. въ 1881 году, когда А. И. Соболевскій, нынѣшній профессоръ русскаго яз. въ С.-Петербургскомъ университетѣ, выступилъ въ Московскомъ университетѣ со своей диссертацией на степень магистра подъ заглавiемъ „Изслѣдованія въ области русскаго грамматики“, Шахматовъ успѣлъ составить самостоятельные взгляды на многіе спорные вопросы исторіи русскаго фонетики и удачно возражалъ противъ нѣкоторыхъ новыхъ положеній диспутанта. Вскорѣ послѣ того по поводу сочиненія Соболевскаго онъ напечаталъ статью въ VII-мъ томѣ издаваемого проф. И. В. Ягичемъ „Archiv für slav. Philologie“ подъ заглавiемъ „Beiträge zur russischen Grammatik“; въ этой статьѣ высказано очень много дѣльных замѣчаній между прочимъ и по характеристикѣ и классификаціи древнерусскихъ рукописей по мѣстностямъ. Еще раньше, въ V-мъ и VI-омъ томахъ того

же „Archiv'a“ напечатаны его поправки къ изданіямъ нѣкоторыхъ древнерусскихъ текстовъ и между прочимъ именно къ фотолитографическому изданію Святославова Сборника 1073 г., сдѣланному Обществомъ Любителей Древней письменности. Для ознакомленія съ живыми русскими говорами Шахматовъ отправился прежде всего въ область сѣверно-великорусскаго нарѣчія, а именно въ Олонецкую губ., гдѣ прислушивался къ мѣстному произношенію, причемъ его особенно заинтересовало произношеніе рефлексовъ стараго ѣ. Будучи еще студентомъ Московскаго университета, Шахматовъ написалъ весьма солидное изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII—XIV в., изданное подъ редакціей проф. и академика И. В. Ягича Академіей Наукъ въ 1886 г., причемъ въ приложеніи къ изслѣдованію изданы вторично послѣ извѣстнаго Румянцевскаго изданія, конечно, неудовлетворительнаго для точныхъ лингвистическихъ и палеографическихъ изслѣдованій, древнѣйшія новгородскія грамоты по оригиналамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, весьма точно, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей правописанія и надстрочныхъ знаковъ и съ подробнымъ описаніемъ тѣхъ палеографическихъ особенностей, которыя не могли быть переданы въ текстѣ. Изслѣдованіе о языкѣ грамотъ настолько важно въ научномъ отношеніи, что, несмотря на нѣкоторыя положенія автора, съ которыми нельзя бы было согласиться вполне (напр. съ мнѣніемъ о раннемъ исчезновеніи глухихъ старыхъ ѣ и ѣ звуковъ въ русскихъ говорахъ) могло бы одно уже составить трудъ, вполне достойный магистерской степени; къ числу оригинальныхъ и новыхъ въ наукѣ выводовъ этого труда принадлежитъ мнѣніе о значеніи буквы ѣ въ древне-русскихъ памятникахъ и о характерѣ звука ѣ въ древне-русскомъ и церковнославянскомъ. Скромность и строгость автора къ себѣ не допустили его, однако, представить это сочиненіе въ качествѣ магистерской диссертации. Послѣ окончанія курса въ университетѣ Шахматовъ увлекся нѣсколько въ другую сторону, а именно заинтересовался важными для сравнительной грамматики словянскихъ языковъ особенностями сербско-хорватскихъ удареній. Его именно заинтересовалъ вопросъ объ отношеніи удареній русскихъ къ сербско-хорватскимъ. Читая рукописи въ Синодальной и другихъ бібліотекахъ, онъ особенно сталъ интересоваться тѣми изъ нихъ, которыя были снабжены знаками удареній. Но главнымъ основаніемъ его статьи, появившейся въ „Русск. Филолог. Вѣстн.“ 1888 г. и отдѣльно подъ заглавіемъ „Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній“, были особенности удареній того сербскаго говора (Посавскаго), который описанъ въ „Grammatik der illyrischen Sprache“ (1850) Берлица и который замѣчателенъ именно тѣмъ, что занимаетъ среднее по ударе-

ніямъ мѣсто между чисто-чакавскими и штокавскими говорами. Сравнивая діалектическія разновидности относительно мѣста удареній въ словѣ малорусскихъ и великорусскихъ говоровъ, отражавшіяся иногда въ текстахъ XVI и XVII в. и извѣстныя въ новыхъ нарѣчіяхъ по словарямъ, записямъ образцовъ, а также произведеніямъ мѣстной художественной литературы (напр. малороссійскимъ повѣстямъ Г. О. Квитки, изданнымъ подъ редакціей проф. А. А. Потебни съ соблюденіемъ знаковъ удареній), съ удареніями сербско-хорватскими, Шахматовъ находилъ, что несовпаденіе знаковъ ударенія у Вука и Берлича объясняется существованіемъ старыхъ разновидностей, такъ какъ иногда отступленія Берлича находятъ себѣ соотвѣтствія въ удареніяхъ русскихъ говоровъ, также отступающихъ отъ московскаго или литературнаго, и въ удареніяхъ тѣхъ словянскихъ нарѣчій (болгарскаго и словѣнскаго), которыя сохранили разномѣстность удареній; приводятся формы и другихъ словянскихъ нарѣчій (чешскаго, польскаго), которыя могутъ дать цѣнныя указанія на факты общесловянскіе. Относительно чакавскаго ударенія Ш. справедливо отстаиваетъ мнѣніе Даничича, что оно не есть удареніе общесербское и общесловянское; отъ нихъ всѣхъ меньше отступило удареніе Берлича, представляющее именно тѣ явленія (двуслоговое удареніе), которыя лишь предполагалъ покойн. Даничичъ въ прасербскомъ. Вообще эта статья представляетъ много весьма глубокихъ и дѣльных соображеній не только о сербскихъ, но и общесловянскихъ удареніяхъ и количествѣ. Продолженіе этихъ изслѣдованій сербскихъ удареній (по другимъ источникамъ) было напечатано въ Р. Ф. В. 1890 г. Интересъ къ акцентологiи побудилъ Шахматова обратиться къ сочиненіямъ Юрія Крижанича, какъ извѣстно, снабженнымъ знаками удареній, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не изданнымъ вполнѣ. Со свойственной ему энергіей онъ начинаетъ хлопотать въ Московскомъ Обществѣ Исторiи и Древностей, членомъ котораго онъ былъ избранъ въ 1889 г., объ изданіи сочиненій Крижанича, и постановленія Общества въ этомъ смыслѣ ему удалось добиться. Была составлена коммиссія изъ нѣсколькихъ молодыхъ московскихъ филологовъ, которые взялись работать надъ приготовленіемъ къ печати сочиненій Ю. Крижанича, но дѣло затянулось вслѣдствіе того, что многіе изъ сотрудниковъ и въ томъ числѣ самъ Шахматовъ должны были оставить Москву¹⁾; первый выпускъ,

¹⁾ А одинъ изъ нихъ, талантливый молодой ученый И. И. Козловскій (см. его статьи въ X, XI и XII томахъ „Archiv für slav. Philologie“ о словянск. консонантизмѣ, по русскому синтаксису и друг., а также палеографическія соображенія объ утрачен. рукописи Слова о п. Игорѣ, издан. Моск. Археол. Общ.), скоро послѣ того скончался (осенью 1889 г.).

однако, вышелъ подъ редакціей В. Н. Щепкина и г. Колосова. За этотъ же періодъ времени, готовясь въ тоже время къ экзамену на степень магистра русской словесности, который и сдалъ блестящимъ образомъ въ 1889 г., Шахматовъ вмѣстѣ со Щепкинымъ перевелъ грамматику старо-болгарскаго (старо-славянскаго) языка Лескина, присоединивъ къ переводу собственную статью о фонетическихъ особенностяхъ и формахъ склоненія Остромирова Евангелія. Прочитавъ въ качествѣ приватъ-доцента въ осеннемъ семестрѣ 1890 г. весьма интересный въ научномъ отношеніи курсъ исторіи русскаго языка, который былъ литографированъ, но, къ сожалѣнію, составляетъ библиографическую рѣдкость (это слѣдуетъ сказать и о печатныхъ трудахъ Шахматова), А. А. по неизвѣстнымъ для меня обстоятельствамъ вдругъ бросаетъ университетъ и уѣзжаетъ въ Саратовскую губ., гдѣ беретъ предложенное ему мѣсто земскаго начальника. Казалось, при такихъ обстоятельствахъ уже трудно было ожидать, что ему удастся по прежнему работать на полѣ славянской и русской филологіи. Между тѣмъ, несмотря на массу дѣла, сопряженнаго съ обязанностями земскаго начальника и отвлекающаго отъ спокойныхъ научныхъ занятій, черезъ три года Ш. начинаетъ печатать въ Р. Ф. В. свой послѣдній пока и самый большой трудъ, разборомъ котораго мы и хотимъ заняться. Конечно, матеріала за время пребыванія въ Москвѣ авторомъ было собрано очень много, а постоянное общеніе съ народомъ, благодаря его новой должности въ деревнѣ, должно было обогатить его свѣдѣнія о живыхъ русскихъ говорахъ; но необходимо было имѣть побольше досуга для обработки этого богатаго матеріала. Нѣчего и говорить, что обстоятельства не позволяли много работать надъ отдѣлкой сочиненія съ виѣшной стороны, что и сказывается на изложеніи, а можетъ, быть, и орѳографіи; на это указываетъ и самъ авторъ въ предисловіи. Но, конечно, не на это должна обращать вниманіе ученая критика. Со своей стороны я долженъ сказать, что крайняя ограниченность моихъ свѣдѣній позволить мнѣ удовольствоваться лишь краткимъ изложеніемъ содержанія труда и только въ рѣдкихъ случаяхъ прибавить кое-какія замѣчанія.

Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію содержанія самаго труда, я долженъ обратить вниманіе читателей на ту школу, которую прошелъ Ш. въ университетѣ, и которая ярко отражается какъ въ его прежнихъ сочиненіяхъ, такъ въ особенности въ послѣднемъ. Лингвистическое направленіе, сообщающее оригинальный характеръ всѣмъ трудамъ Шахматова, принадлежитъ проф. Ф. Θ. Фортунатову, который по своей глубокой учености, тонкому проникновенію въ фонетическія особенности разныхъ индоевропейскихъ, въ особенности же славяно-литовскихъ

языковъ и точному, строго-научному методу изслѣдованія безспорно занимаетъ первое мѣсто между русскими лингвистами. Къ сожалѣнію, Ф. Θ. очень рѣдко печатаетъ свои труды. Тѣмъ не менѣе всѣмъ спеціалистамъ извѣстны его замѣчательныя „Нѣсколько страницъ изъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ“ въ приложеніи къ изслѣдованію и текстамъ „Sāmaveda Āranyaka-Samhitā“ (Москва, 1875), его статьи о различной долготѣ и удареніяхъ плавныхъ сочетаній въ литовско-словянскихъ языкахъ и по поводу Миклошичева „Etymologisches Wörterbuch....“ въ „Archiv für slavische Philologie“ (IV и XI—XII B.), нѣкоторыя другія статьи въ „Критическомъ Обзорѣнн“ и отчетъ о „Синтактическихъ изслѣдованіяхъ“ (о падежахъ въ индо-европейскихъ языкахъ) покойнаго ученика А. А. Потебни даровитаго А. В. Попова; упомяну и объ извѣстномъ его сборникѣ литовскихъ пѣсень (совмѣстно съ проф. Миллеромъ), а также о редактированіи имъ литовскаго словаря Юшкевича. Однако, зная лишь эти статьи, которыя печатались, можетъ быть, не всегда точно, нельзя себѣ составить вполне вѣрнаго понятія о лингвистическомъ направленіи проф. Фортунатова, которое извѣстно изъ его прекрасныхъ по обработкѣ курсовъ старо-словянскаго, литовскаго и другихъ индо-европейскихъ языковъ, а также изъ частныхъ бесѣдъ его слушателямъ. Съ нетерпѣніемъ всѣ слависты должны ожидать извѣстнаго до сихъ поръ лишь въ литографическихъ изданіяхъ его курса фонетики старо-словянскаго языка, надъ которымъ авторъ работаетъ уже нѣсколько лѣтъ; этотъ курсъ, кромѣ общелингвистическаго значенія, будетъ важенъ спеціально для славистовъ именно вслѣдствіе детальной разработки древнѣйшихъ старословянскихъ памятниковъ, не предпринимавшейся до сихъ поръ еще ни однимъ славистомъ въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ это сдѣлано проф. Фортунатовымъ, а именно съ точки зрѣнія исключительно лингвистической и сравнительно съ фактами другихъ индоевропейскихъ языковъ, такъ какъ „Zur Kritik der altslovenischen Denkmale“ и „Altslovenische Studien“ Вондрака, весьма важныя для славистовъ-филологовъ, недавно печатавшіяся въ „Sitzungsberichte“ Вѣнской Академіи, преслѣдуютъ во всякомъ случаѣ больше цѣль филологическую, чѣмъ чисто-лингвистическую¹⁾.

¹⁾ Правда, первая изъ упомянутыхъ статей Вондрака, напечатанная въ 112 т. (1886 г) „Sitzungsberichte“ (Philosoph.-histor. Classe), стр. 743—784, носитъ характеръ почти чисто лингвистическій, но взгляды на языкъ старословянскихъ памятниковъ совершенно иной, и къ точкѣ зрѣнія лингвистической примѣшиваются соображенія историко-географическія. Разумѣется, нельзя отрицать важности и этихъ соображеній; я хочу лишь отмѣтить то обстоятельство, что тамъ, гдѣ Вондракъ и за нимъ В. Облакъ

Эта-то точная лингвистическая, строго научная школа и была усвоена Шахматовымъ. Онъ, такъ сказать, проникаясь ей до глубины своего существа, усвоилъ и переработалъ её внутри себя самостоятельно, а не заимствовалъ поверхностно; взгляды Фортунатова до такой степени усвоены его ученикомъ, что они стали его собственными, и многія самостоятельныя воззрѣнія ученика обязаны именно тѣмъ задаткамъ, которые получены отъ учителя. Вслѣдствіе этого нельзя упрекнуть Шахматова въ томъ, что онъ излагаетъ иногда взгляды учителя, не ссылаясь на него: эти взгляды столько-же принадлежать и ему самому. Это сильное вліяніе идей Фортунатова Ш. признаетъ въ своемъ трудѣ и самъ, какъ о томъ говоритъ въ предисловіи. Въ чемъ же состоитъ особенность этихъ взглядовъ? Определить это въ двухъ словахъ довольно трудно потому, что они отражаются б. ч. въ различныхъ талантливыхъ гипотезахъ, относящихся къ частнымъ вопросамъ, и потому я прошу извиненія у глубокоуважаемаго Ф. Θ. Фортунатова, если неточно или не вѣрно опредѣлю сущность его направленія; но мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что существеннымъ въ немъ нужно признать стремленіе *фонетическія явленія новыхъ нарѣчій объяснять изъ фонетическихъ варіантовъ уже праязыка*, который искони уже несомнѣнно дробился на говоры, а не представлялъ идеальнаго единства, возможнаго лишь въ языкѣ одного человѣка; къ этому присоединить необходимо, какъ существенное свойство его метода, также *детальное изслѣдованіе всѣхъ условій возникновенія каждаго фонетическаго явленія*.

Приступая къ изложенію въ общихъ чертахъ самаго сочиненія Шахматова, я долженъ упомянуть, что о немъ было двѣ рецензіи. Одна проф. И. В. Ягича въ XVI т. его „Archiv für slav. Philologie“ (стр. 284—287), другая—проф. А. И. Соболевскаго въ апрѣльской кн. Ж. М. Н. Пр. 1894 г. (стр. 421—434). Признавая справедливыми указанія обоихъ рецензентовъ на догматичность изложенія первыхъ главъ, въ остальномъ я нахожу неосновательной большую часть возраженій рѣзкой и беспокойной рецензіи проф. Соболевскаго, на которой впрочемъ не буду останавливаться, съ замѣчаніями же въ общемъ сочувственной автору рецензіи моего глубокоуважаемаго учителя проф. Ягича, относящимися собственно лишь къ первымъ 2-мъ главамъ, могу согласиться только отчасти. Но перейду къ самому сочиненію. Нося слишкомъ общее названіе, оно трактуетъ собственно о звукахъ *е* и *о*. Все сочиненіе разбито на 23 главы, изъ которыхъ первыя четыре авторъ называетъ ввод-

(въ рецензіяхъ на Вондрака) видятъ отраженіе языка переписчика, говорившаго на другомъ словянскомъ нарѣчьи (южномъ или сѣверномъ), Фортунатовъ предполагаетъ различныя говоры самого старословянскаго языка.

ной частью. Это названіе особенно приложимо къ двумъ первымъ, гдѣ авторъ говоритъ о звукахъ *е* и *о* въ общесловянскомъ и общерусскомъ языкахъ. Если же причислять къ вводнымъ главамъ 3-ю и 4-ю, то, мнѣ кажется, къ нимъ можно съ такимъ же правомъ отнести 5-ю и 6-ю: во всѣхъ этихъ главахъ идетъ дѣло о явленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто еще въ общерусскую эпоху; только съ 7-ой главы начинается собственно изложеніе явленій позднѣйшихъ нарѣчій. Но первыя двѣ вполне могутъ быть названы вводными сравнительно съ другими, такъ какъ здѣсь говорится именно о первоначальныхъ звукахъ *е* и *о* въ общеслов. и общерусскомъ языкахъ. Въ слѣдующихъ уже дѣло идетъ или о звукахъ *о* и *е* въ заимствованныхъ ц. словянскихъ словахъ, или о звукахъ, совпавшихъ въ исторіи русскаго языка со звуками *е* и *о*, или о діалектическихъ явленіяхъ общерусскаго яз. При томъ первыя двѣ главы заключаютъ въ себѣ рядъ основныхъ положеній, безъ которыхъ не можетъ быть понято остальное. Это именно тѣ положенія, которыя проф. Соболевскій назвалъ аксіомами, а проф. Ягичъ называетъ догматическими утвержденіями ¹⁾, доказательство которыхъ скрыто подъ замкомъ Фортунатовскихъ лекцій. Дѣйствительно, для пониманія первыхъ главъ труда Шахматова необходимо имѣть въ виду теорію проф. Фортунатова, и можно лишь пожалѣть, что авторъ не хотѣлъ или не имѣлъ возможности, можетъ быть, вслѣдствіе поспѣшности работы, болѣе обстоятельно познакомить съ ними своихъ читателей. Но, признавая этотъ недостатокъ за первыми главами, я никакъ не могу согласиться съ И. В. Ягичемъ въ томъ, чтобы проходящее общую нитью черезъ все сочиненіе стремленіе возводить діалектическія явленія новыхъ словянскихъ говоровъ къ праязычнымъ зачаткамъ было ошибочно. Другое дѣло, еслибы мы новыя діалектическія явленія старались найти въ праязыкѣ прямо въ готовой формѣ; у Шахматова же я замѣчаю совсѣмъ другое. Однимъ изъ самыхъ великихъ философско-научныхъ приобрѣтеній XIX-го вѣка я считаю теорію эволюціи ²⁾, т. е. постепеннаго развитія сложныхъ формъ изъ простѣйшихъ элементовъ. Теорія эта, которой мы обязаны главнымъ образомъ движенію наукъ естественныхъ, была приложена и къ языкознанію. Эво-

¹⁾ „eine ganze Reihe von Behauptungen dogmatisch vorbringt“.... И дальше: „Der philologische Leser..... hätte vielleicht irgend eine Begründung dieser Theorie erwartet, sie bleibt jedoch hinter dem Schloss und Riegel der Fortunatov'schen Vorträge“ (стр. 285).

²⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній я предупреждаю, что здѣсь не слѣдуетъ понимать этотъ терминъ въ болѣе узкомъ смыслѣ, въ какомъ онъ извѣстенъ въ исторіи языкознанія (Delbrück, Einleitung in das Sprachstudium, стр. 62—63, 2 Aufl.) въ приложеніи къ развитію личныхъ мѣстоименій изъ личныхъ суффиксовъ глагольных.

люціонная теорія не допускаєть скачковъ ¹⁾: вездѣ мы должны видѣть постепенное развитіе. Достоинство этого философскаго міросозерцанія я вижу въ томъ, что лишь при такомъ взглядѣ на извѣстную группу явленій мы можемъ изучать её научно; иначе мы теряемъ почву подъ ногами и вносимъ произволь въ научное изслѣдованіе. Если предметъ языковѣдѣнія, какъ творчество живыхъ существъ, и рѣзко отличается отъ предмета естествознанія—дѣятельности силъ природы, какъ на это различіе и было справедливо указываемо, то во всякомъ случаѣ, какъ творчество безсознательное и равномерное, языкъ имѣетъ много общаго съ проявленіями силъ природы (въ особенности жизненной), и методъ изслѣдованія перваго можетъ имѣть много сходства съ методомъ изслѣдованія вторыхъ, по скольку то и другое развивается постепенно. Это стремленіе прослѣживать постепенное развитіе фонетическихъ явленій, построивъ гипотетически праязычные зачатки новыхъ формъ, я и вижу въ трудѣ Шахматова и не могу не признать его однимъ изъ главныхъ его достоинствъ. Вѣдь не то ли же дѣлаютъ современные изслѣдователи сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, предполагая въ индоевропейскомъ праязыкѣ вмѣсто одного *a* прежнихъ грамматиковъ три звука: *a* склон. къ *e*, *a* склонное къ *o* и *a* чистое? Если хотите, и тутъ произвольное, недоказанное предположеніе, но похвальное потому, что основано на стремленіи объяснить европейскій вокализмъ путемъ постепеннаго развитія праязычныхъ зачатковъ. То же заставило напр. и покойнаго А. А. Потебню возводить зачатки русскаго полногласія къ праславянскому языку. Эти праформы, конечно, могутъ быть построены ошибочно въ зависимости отъ степени достовѣрности и количества данныхъ, на которыхъ онѣ основаны, но самое построеніе ихъ, которое всегда будетъ субъективно, по скольку субъективна сама наука, заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія. Это направленіе замѣчается во всемъ послѣ—Шлейхеровскомъ языковѣдѣніи: съ нимъ въ тѣсной связи находится и теорія „волнъ“ І. Шмидта, ибо признаніе постепенности звуковыхъ измѣненій влечетъ за собой признаніе отсутствія рѣзкихъ границъ между родственными говорами (срв. Delbrück, Einleitung in das Sprachstudium, стр. 136—137), и теорія разнообразія индоевропейскаго консонантизма Асколи, и теорія индоевропейскаго вокализма Бругмана и Соссюра, и теорія измѣнчивости грамматическихъ (синтактическихъ) формъ А. А. Потебни. Такимъ образомъ, одно стремленіе и въ фонетикѣ и въ синтаксисѣ. Въ школѣ пр. Фортунатова я замѣчаю особенно послѣдовательное проведеніе этого

¹⁾ Источникъ такого взгляда на природу еще у Лейбница (см. рѣчь проф. О. А. Зеленогорскаго въ „Запискахъ И. Х. У.“ 1893 г., кн. II, стр. 18—19).

стремленія, вслѣдствіе чего оно становится строго научнымъ методомъ. Только что указанное методологическое достоинство труда Шахматова тѣсно связано съ другимъ, которое заключается въ объясненіи всѣхъ явленій языка фонетическимъ путемъ, гдѣ только это возможно; Ш. очень рѣдко прибѣгаетъ къ дѣйствию грамматической аналогіи, какъ средству объясненія, такъ какъ аналогія есть уже посторонній дѣятель, нарушающій спокойное и равномерное дѣйствіе звуковыхъ законовъ; хотя и нельзя его не признать, но предполагать его дѣйствіе слѣдуетъ лишь тамъ, гдѣ данную форму невозможно вывести путемъ постепеннаго дѣйствія звуковыхъ законовъ ¹⁾. Какъ средство объясненія нѣкоторыхъ явленій языка, Ш. употребляетъ также взаимодействіе различныхъ говоровъ, заимствование формъ одного говора другимъ (стр. 166) и признаетъ совершенно справедливо существованіе говоровъ смѣшанныхъ (стр. 228, 199 и др.). Такимъ образомъ, не смотря на кажущуюся теоретичность построенія праязычныхъ звуковъ, изслѣдованіе Ш.—а отличается взглядомъ на языкъ, какъ на группу живыхъ организмовъ (т. е. говоровъ) ²⁾, постепенно развивающихся подъ взаимнымъ вліяніемъ, скрещивающихся между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ древнѣйшемъ періодѣ жизни своей заключающихъ въ себѣ зачатки новыхъ звуковыхъ явленій и формъ. Предположеніе зачатковъ еще въ праязыкѣ есть плодъ стремленія не производить новыхъ звуковыхъ формъ изъ ничего, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Правда, что „должно признать и въ жизни языка *постепенное появленіе новыхъ причинъ*, вслѣдствіе которыхъ въ различныя времена происходятъ новыя звуковыя измѣненія“, какъ говорить проф. Ягичъ (стр. 286); но мнѣ кажется, что новыя причины, являющіяся въ исторіи развитія языковъ, имѣютъ значеніе только направленія въ ту или другую сторону данныхъ въ праязыкѣ зачатковъ: онѣ содѣйствуютъ или ихъ исчезновенію, какъ это напр. можно сказать о потерѣ южнославянскими и чешской группами говоровъ звука *ō* вмѣсто *e* послѣ *жс, ч, ш, щ, џ, s*, особаго рода *с* и *j*, или ихъ полному развитію, какъ это видно въ польской и русской группахъ относительно того же звука, перешедшаго въ нихъ въ *o* ³⁾. Не принявъ для обще-

¹⁾ И гдѣ трудно предположить особыя фонетическія условія, при которыхъ должно явиться дѣйствіе новаго звукового закона.

²⁾ Разумѣется, слово „организмъ“ я употребилъ не въ буквальномъ смыслѣ, а въ такомъ, какъ оно употреблялось въ языкознаніи, напр. у В. Гумбольдта. Я употребилъ слово „группа“ потому, что подъ языкомъ обыкновенно разумѣется нѣкоторое отвлеченіе изъ нѣсколькихъ родственныхъ говоровъ.

³⁾ М. б. въ такомъ взглядѣ и есть извѣстнаго рода увлеченіе, но доказать его несостоятельность такъ же невозможно, какъ и то, что рѣшающее значеніе должны были

слова́нского праязыка звука *ѡ*, мы принуждены были бы въ каждой изъ трехъ большихъ группъ слова́нскихъ говоровъ (польской, лужицкой и русской) предполагать возникновеніе его независимо. Конечно, противъ возможности послѣдняго тоже нельзя возразить, но болѣе естественнымъ представляется мнѣ первое предположеніе, т. е. что зачатки измѣненія *е* въ польскомъ и русскомъ смыслѣ были еще до полного раздѣленія общеслова́нскаго языка, еще въ говорахъ общеслова́нскихъ. Также самое я долженъ сказать и объ общерусскомъ праязыкѣ; и здѣсь я сочувствую стремленію автора предполагать въ праязыкѣ слабые зародыши звуковыхъ измѣненій, теперь извѣстныхъ не всѣмъ группамъ говоровъ, а лишь нѣкоторымъ, ибо естественнѣе предположить потери этихъ зародышей въ нѣкоторыхъ группахъ въ дальнѣйшей исторіи языка, чѣмъ возникновеніе вновь изъ ничего новыхъ совсѣмъ звуковыхъ измѣненій въ остальныхъ. Въ исторіи языка, какъ и въ исторіи всякаго живого организма (или группы живыхъ организмовъ), не только появляются вновь новые зародыши измѣненій, но и исчезаютъ старые. Одной изъ новыхъ причинъ, явившихся (конечно, не вдругъ, а *постепенно*) въ русской группѣ говоровъ и придавшихъ особый ходъ развитія праязычнымъ даннымъ, была меньшая раздѣльность слоговъ, вслѣдствіе которой явилась возможность бѣльшаго вліянія слѣдующаго слога на предыдущій; отсюда появленіе звука *ѡ* ограничивается условіемъ твердости слѣдующаго слога, между тѣмъ какъ южнослова́нскіе и чешскіе говоры ¹⁾ теряютъ слабые зачатки этого звукового измѣненія *е* окончательно, хотя въ общеслова́нскомъ появленіе его не должно было зависѣть отъ качества слѣдующаго слога, что видно изъ аналогичнаго факта старослова́нскаго и другихъ слова́нскихъ нарѣчій, свидѣтельствующаго, что напр. послѣ *же, ч, ш, ј* въ общеслова́нскомъ являлось *а* изъ долгаго *ѣ* (*ъ*) независимо отъ качества слѣдующаго слога: жаръ и жалъ. Такимъ образомъ общеслова́нское (м. б. лишь діалектическое) **šostь* вслѣдствіе новаго закона, начавшаго дѣйствовать въ русской группѣ, измѣнилось въ *šeⁱstь*, а **šostь* сохранилось и перешло затѣмъ еще въ общерусскую эпоху въ *šostь* (шость). Кромѣ того, въ русской группѣ,

имѣтъ исключительно тѣ причины, которыя появлялись уже послѣ раздѣленія праязыка на отдѣльныя строго опредѣленныя группы; вѣдь прототипы этихъ группъ въ видѣ слабо оттъненнаго одинъ отъ другого говоровъ необходимо приписать и праязыку.

¹⁾ Но дѣло можно понимать и такъ, что южнослова́нскіе и чешскіе говоры восходятъ къ такимъ общеслова́нскимъ, которые вовсе не знали этого звукового измѣненія, т. е. что оно извѣстно было лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ общеслова́нскаго яз., не успѣвъ распространиться на всѣ. Также замѣчаніе имѣетъ силу и относительно отдѣльныхъ группъ русскихъ говоровъ. Авторъ, повидимому, думаетъ иначе, въ чемъ мы можемъ расходиться.

какъ въ польской и лужицкой, общесловянскій законъ измѣненія *e* въ *ö* съ новымъ ограниченіемъ—условіемъ твердости слѣдующаго слога (въ польскомъ къ этому присоединились и другія условія) распространился и на полумягкіе согласные, предшествующіе этому *e*, которые становились мягче ¹⁾, чѣмъ въ общесловянскомъ, и такимъ образомъ являлись на общерусской почвѣ *nĭösü* при *nĭe'sti*, прототипы позднѣйшихъ великорусскихъ *нѣсу*—*нестіи* (послѣднее съ *e* закрытымъ, склоннымъ къ *i*). Что касается дѣйствія *e* смягчающимъ образомъ на предшествующій согласный, то его необходимо предположить и для общерусскаго яз., ибо и въ малорусскихъ говорахъ есть слѣды нѣкогда бывшей мягкости. Только мнѣ кажется въ отличіе отъ мнѣнія автора, что общерусское *e* всетаки дѣйствовало менѣе смягчающимъ образомъ на согласные, чѣмъ позднѣйшее великорусское и бѣлорусское, т. е. что общесловянскіе полумягкіе согласные становились лишь нѣсколько мягче, но не вполнѣ мягкими; зачатки малорусской твердости согласныхъ передъ *e* должны были быть еще въ говорахъ общерусскихъ, а изъ вполнѣ мягкихъ согласныхъ я затруднился бы вывести вполнѣ твердые (сравн. замѣчаніе Потебни въ соч. „Два изслѣдованія о звукахъ русск. яз.“ 120, на которое ссылается и Колосовъ въ „Обзорѣ звук. и форм. особен. нар. рус. яз.“ 67). При дальнѣйшемъ развитіи русскія нарѣчія дѣлятся въ отношеніи звука *e*, а въ связи съ нимъ и *i* на двѣ большія группы: *югозападную*, потерявшую первоначальные небные звуки *e* и *i*, измѣнившихъ въ гортанно-небные *э* и *и*, причемъ въ послѣднемъ слилось большею частію и старое *ы*, и *восточную*, сохранившую старое свойство *e* и *i* и м. б. развившую его еще далѣе. Какъ скоро въ югозападныхъ говорахъ явились звуки *э* и *и* вмѣсто старыхъ *e*, *ö*, *ä* (различныхъ родовъ *e*) и *i*, *ы*, согласные звуки, имъ предшествовавшіе, потеряли свою мягкость (я думаю, неполную). Что мы имѣемъ дѣло съ измѣненіемъ характера самыхъ гласныхъ, а не съ простой потерей мягкости предшествующихъ согласныхъ, доказывается тѣми случаями, когда *e* или *i*, подвергаясь сокращенію (очевидно, еще до измѣненія своего основного характера), оставляли слѣдъ свой въ мягкости согласныхъ (напр. мягк. *t* въ окончан. 2 л. множ. ч. повелит. наклон. или въ оконч. неопредѣл. наклон.), также, когда *э*, восходя къ тому *e*, которое изъ стараго *ь*, чередуется съ мягкимъ согласнымъ безъ послѣдующаго гласнаго въ тѣхъ положеніяхъ въ словѣ, гдѣ *ь*, становясь неслоговымъ, исчезало (*tĭma* при *тѣмный*) и наконецъ тѣми

¹⁾ Постепенное измѣненіе полумягкихъ согласныхъ въ болѣе мягкіе по мѣрѣ особенія русской группы говоровъ естественно вызывало постепенное распространеніе общесловянскаго закона и на эти новые случаи въ то время, когда старое *ö* (послѣ шипящихъ и *j*) начинало уже измѣняться въ *o* (приблизиться къ звуку *o*).

случаями, когда вмѣсто *э*, замѣнявшаго предполагаемое *ѳ*, подъ вліяніемъ родств. образованій съ мягк. согласн. являлось *о* (*лѣн*, *тѣмнѣй*, *пенѣк* и т. п. подъ вліяніемъ *ѣна*....). Мнѣ кажется только, что опредѣленіе Ш-ва (стр. 98—99) малорусскаго звука *э*, какъ звука гортанно-небнаго или небно-гортаннаго, недостаточно точно, ибо далѣе (стр. 196), говоря о появленіи новыхъ звуковъ въ неударяемыхъ слогахъ въ говорахъ восточнорусскихъ, онъ ихъ также называетъ *гортаннонебными*, обозначая ихъ за Сиверсомъ¹⁾ буквами *а*, *о*, *е*, съ точкою надъ ними, а между тѣмъ передъ новымъ восточнорусскимъ *гортаннонебнымъ е* согласные звуки остаются мягкими, передъ малорусскимъ же *гортаннонебнымъ э* они отвердѣли. Такимъ образомъ, для малорусскаго звука слѣдовало бы дать иное опредѣленіе, прибавивъ напр., какъ существенное свойство его (а также гортанно-небнаго малорусскаго *и*), необходимую потерю мягкости предшествующихъ имъ согласныхъ; иначе придется это свойство отнести прямо къ согласнымъ, что невозможно по указаннымъ выше причинамъ, и чего Ш. не хочетъ допустить, отступая въ этомъ отъ Р. Θ. Брандта (стр. 105). Мнѣ кажется, что въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ занять среднее положеніе между мнѣніями Ш-а и проф. Брандта: согласные дѣйствительно отвердѣли въ малорусскомъ, но не вообще и не во всякомъ положеніи, а именно только передъ *особаго рода* гортаннонебными звуками. Очень можетъ быть, что *причина отвердѣнія* кроется также именно въ *меньшей степени мягкости согласныхъ общерусскаго яз., чѣмъ въ специально восточнорусской группѣ*; хотя Ш. отодвигаетъ переходъ согласныхъ полумягкихъ въ мягкіе въ общерусскую эпоху (стр. 14), я всетаки думаю, что мягкость ихъ была значительно менѣе мягкости восточнорусской, и въ этомъ отчасти вижу причину ея исчезновенія. А что гортаннонебные звуки способны отнять мягкость (если она не настолько сильна, какъ въ нарѣчіяхъ великорусскихъ) у предшествующихъ имъ согласныхъ, въ подтвержденіе этого могу привести факты изъ болгарскихъ говоровъ: какъ скоро здѣсь (напр. въ рупчосскомъ, сливенскомъ и нѣкот. друг. гов.) гласн. *е* или *і* оглушаются, переходя въ звуки, несомнѣнно, изъ ряда гортаннонебныхъ (нѣчто вродѣ глухого *ѳ*, означаемого на письмѣ б. ч. черезъ юсъ большой или *э*), предшествующіе имъ согласные часто (не всегда, какъ видно изъ приводимыхъ записывателями образцовъ) теряютъ свою мягкость: *зѣмя* (т. е. *зѣмѣ*) *вм.* *земѣ*, *сѣстри*, *дѣсна* *вм.* *десна*, *камѣн* и даже *каман* *вм.* *камен*, *гѣдѣн* *вм.* *годин*, и т. п. (Словарь болгар. яз. А. Л. Дювернуа, „Български народни пѣсни“ Дозона, „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарск. яз.“ П. А. Лав-

¹⁾ Grundzüge der Phonetik³, стр. 95.

рова, стр. 49, „Studyja nad historyją języka bułgarskiego“ А. Калины, § 16, литографир. образцы болг. говоров проф. М. С. Дринова). Это подтвердилъ и М. С. Дриновъ.

Я не буду останавливаться на частныхъ явленіяхъ общесловянскаго и общерусскаго яз., указываемыхъ авторомъ въ первыхъ главахъ, а перейду къ дальнѣйшей характеристикѣ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій. Кромѣ указанныхъ измѣненій звуковъ *е* и *і*, положившихъ грань между группой юго-западной и восточной, есть еще другія характерныя явленія, исконно отличающія одну группу отъ другой. Въ главѣ 4-й (о звукахъ, совпавшихъ въ исторіи русскаго яз. со звуками *е—о*) авторъ указываетъ на измѣненіе слоговыхъ *ъ*, *ь*, *ѣ* ирраціональнаго ¹⁾ (явившагося изъ *ъ* послѣ смягченныхъ согласныхъ еще въ общесловянскую эпоху) въ нарѣчіяхъ русскаго яз. Здѣсь (стр. 31) Ш. между прочимъ справедливо указываетъ на то, что неслоговые *ъ* и *ь* исчезали не сразу во всякомъ положеніи, а въ извѣстныхъ суффиксахъ еще сохранялись въ XIII—XIV столѣт. по причинамъ частію, по его мнѣнію, нефонетическимъ, частію фонетическимъ, а именно при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ (напр. стеченіи согласныхъ), переходя затѣмъ въ звуки ясные. Такіе случаи особенно обычны при плавныхъ. Здѣсь проявляется разница между югозападными и восточными нарѣчіями: между тѣмъ какъ въ великорусскомъ изъ др. рус. *крѣви* получалось потомъ *крови*, въ малорусскомъ и частію бѣлорусскомъ *кыви* и т. п. Но, желая быть вѣрнымъ системѣ, авторъ при объясненіи, мнѣ кажется, прибѣгаетъ къ натяжкѣ: относя бѣлорусское нарѣчіе къ восточнорусской группѣ, онъ предполагаетъ для бѣлорусск. *кыви* иное происхожденіе ²⁾, чѣмъ для малорусскаго, а именно (стр. 44), что общерус. *крѣви* (съ *ъ* неслогов.) измѣнялось или въ *крѣи* или въ *кыви* съ *ы* ирраціон. слоговымъ (что, по моему, равняется слоговому *ъ*), откуда въ малорус. (югозападной группѣ) *кыви* (у Квитки), въ восточнорус. *крѣви* съ *ѣ* склоннымъ къ *и*, что давало затѣмъ въ бѣлорус. *кыви*, а въ великорусскомъ *крѣи*, *краві*. Нельзя, однако, того же сказать объ объясненіи рефлексовъ слоговыхъ ирраціональныхъ *у* (*ы*) и *і* въ русскихъ нарѣчіяхъ (ирраціональными они являлись передъ неслоговымъ *і*). Здѣсь дѣйствительно бѣлорусскіе говоры представляютъ рядъ такихъ явленій, которыя позволяютъ ихъ ставить отдѣльно отъ говоровъ малорусскихъ.

¹⁾ Подъ этимъ терминомъ Шахматовъ и Фортунатовъ разумѣютъ вообще звуки неполнаго образованія, то, что иначе можно назвать глухими.

²⁾ Невозможнаго тутъ, впрочемъ, ничего нѣтъ, и примѣры этого перѣдки въ области другихъ нарѣчій: болгарско-македонск. (дебрск.) *рока* и хорутанско-словѣнск. *гока* получились, вѣроятно, различными путями изъ общесловянск. *рѣка*.

Такимъ образомъ, можно согласиться съ тѣмъ, что слогов. иррац. *у* (*ы*) и *і* измѣнились въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ въ звуки *ѳ* склон. къ *и* (не смягчившее предшеств. согласн.) и *е* скл. къ *і* (стр. 38), и что далѣе въ бѣлорусск. отсюда изъ *ѳ* скл. къ *и* въ ударіем. слогахъ *э*, въ неудар. *ы*, изъ *е* скл. къ *і* въ удар. и неудар. *і*, въ великорус. частію въ нѣкотор. говор. тоже *э* (удар.), *ы* (неудар.) и *і*, но болѣею частію *о* (удар.), *ы* (неудар.), *е* (удар.) и *і* (неудар.) (стр. 39—41): бѣлорус. маладэй и т. п. при дѣбры (подъ вліяніемъ послѣдн. *ы* проникло въ другихъ говорахъ и въ удар. слогъ), великорус. (Великолук. у. Псковск. губ.) талстэй при милый и т. п. (примѣровъ на измѣн. *і* не привожу). Дѣйствительно бѣлорусскіе говоры здѣсь пережили, кажется, явленія, общія съ говорами великорусскими, какъ на это указываетъ часть великорусскихъ говоровъ, въ противоположность малорусскимъ, гдѣ *ы* или *и* среднее (гортаннонебное) какъ изъ первонач. иррац. *ы* такъ и изъ *і*; но сомнительно, чтобы *ѳ* склон. къ *и* изъ ирраціон. слогового ¹⁾ *ы* (слог. *э*) явилось еще въ общерусскую эпоху (стр. 45), т. е. что и малорус. *ы* (среднее *и*) явилось не прямо изъ *ы*, а черезъ посредство этого *ѳ* склоннаго къ *и*. Кромѣ того, я не могу обойти молчаніемъ ссылки автора на мою статью о нѣкоторыхъ симбирскихъ и нижегородскихъ говорахъ (Archiv für slavische Philologie X, 349—351), такъ какъ, по-видимому, авторъ понялъ её невѣрно. Я именно старался указать на то, что въ приведенныхъ мною формахъ прилагательныхъ *множ.* ч. нѣтъ ничего спеціально бѣлорусскаго, какъ это предполагалъ Колосовъ, и что онѣ объяснимы вполне изъ особенностей мѣстныхъ великорусскихъ говоровъ; Шахматовъ (стр. 40) же, совершенно не обращая вниманія на мое объясненіе и не опровергая его, кромѣ того невѣрно передаетъ заключающіеся въ статьѣ факты (м. б. благодаря опечаткамъ, которыя я впрочемъ отмѣтилъ въ XI т. „Archiv’a“, стр. 320) и снова путаешь то, что я такъ старался распутать: я именно обращалъ вниманіе на то, что, между тѣмъ какъ въ бѣлорусскихъ и ржевскомъ (Тверск. губ.) говорахъ *э* является въ единств. ч. муж. р. въ именит. п. передъ *й* (неслогов. *й*), въ нашихъ нижегородскихъ, симбирскихъ, владимирскихъ и нѣкотор. друг. великорусскихъ говорахъ это *э* является въ имен. множеств. числа (худэй, молодэй и т. п.), а также и во всѣхъ другихъ пад. *множ.* ч. и нѣкоторыхъ единств. (вездѣ подъ условіемъ ударяемости), но *никогда* въ именит. ед. Въ своей статьѣ я предложилъ и объясненіе указаннаго мною явленія этихъ великорусскихъ

¹⁾ Можетъ быть, выраженіе: „ирраціональное слоговое *ы*“, употребляемое Шахматовымъ, болѣе точно опредѣляетъ характеръ звука, чѣмъ мое „слоговое *э*“; въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ послѣдняго.

говоровъ, которое теперь за недостаткомъ времени и мѣста не буду повторять. Хотя теперь изъ послѣдняго труда г. Карскаго и стало извѣстно существованіе формъ на *зи* (*зя*) въ имен. п. множ. ч. и въ бѣлорусскихъ говорахъ, но я всетаки не отказываюсь отъ того, что здѣсь нѣ зачѣмъ видѣть вліяніе бѣлорусское. Скорѣе я могъ бы склониться къ тому, что для тѣхъ и другихъ говоровъ была одинакая фонетическая или морфологическая причина, заставившая одинаково измѣнить полученные ими изъ обще-восточно-русской эпохи задатки. Въ главѣ 4-ой есть много и другихъ весьма интересныхъ соображеній, на которыхъ стоитъ остановиться. Ш. указываетъ на то, что иррац. слогов. *и* (по моему, слоговое *э*) появлялось иногда на концѣ словъ вмѣсто неслогов. *э* тамъ, гдѣ было стремленіе удержать звукъ по причинамъ нефонетическимъ (добры *вм.* добръ при добра и т. п.; далѣе форма имен. муж. ед. ч. добры ассимилировалась въ нарѣчіяхъ съ ф. мѣстоименной добрый и исчезала). Въ сѣверно-великорусскомъ вмѣсто этого иррац. слогового звука являлось иногда *о*, а діалектически *е* (черезъ посредство *ё*); такимъ образомъ въ памятникахъ сѣверныхъ находимъ: плуго въ Двинск. грамот. XVI в., Смоленско, Волхово (Новгород. лѣт. по Синод. сп.) и т. п. при въдале Варламе (Вкладн. 1192 г.) и мног. другихъ примѣрахъ *е* въ оконч. имен. един. ч. словъ муж. р., извѣстныхъ всѣмъ изслѣдователямъ исторіи русск. яз.; но любопытно, что это *е*, смягчающее предыдущ. согласн., сохранилось въ говорахъ и теперь: въ Великолукк. у. Псков. г. въ муж. р. един. ч. прилагательныхъ, употребленныхъ въ смыслѣ сказуемаго, слышно въ неудар. слогѣ *и* (изъ *е* склон. къ *і*): лёнъ волокнисти, собой чисти (стр. 49). Объясненіе, данное Шахматовымъ этимъ любопытнымъ діалектическимъ формамъ древне- и ново-русскаго яз., я считаю весьма оригинальнымъ и правдоподобнымъ.

Третьимъ важнымъ явленіемъ, характеризующимъ раздѣленіе русскихъ говоровъ на двѣ группы, была судьба долгихъ гласныхъ *е*, *ё* и *о* въ нарѣчіяхъ общерусскаго языка. Еще въ 1-ой гл. (стр. 4) авторъ указалъ на появленіе долгихъ *е*, *о*, *ё* еще въ общеслов. эпоху въ положеніи *передъ согласн. съ неслогов. э* ¹⁾. Въ главѣ 8-ой (94—96) онъ указываетъ на различную судьбу ихъ въ русскихъ діалектахъ: въ однихъ они сократились, и изъ возъ, мѣдъ съ *о* и *ё* долгими и *э* неслововымъ здѣсь получились возъ, мѣдъ съ *о* и *ё* краткими (восточнорус-

¹⁾ Такъ я измѣняю выраженіе автора: „передъ слогомъ съ неслововымъ *э*“ и согласенъ съ проф. Соболевскимъ въ томъ, что это выраженіе странно (а не самый слогъ, какъ говоритъ проф. Соболевскій, такъ какъ думаю, что здѣсь у Шахматова лишь неточность выраженія) (срв. Ж. М. Н. Пр. 1894, апрѣль, стр. 424).

ская группа); въ другихъ они сохранялись долгими и распались затѣмъ на дифтонгическія сочетанія *ie*ⁱ, *ïö* и *yo* (югозападно-русская группа). Но часть восточнорусскихъ нарѣчій, повидимому, продолжала и послѣ отдѣленія югозападной группы сохранять долготу въ указанномъ положеніи, замѣнивъ её дифтонгами, какъ на это указываютъ бѣлорусскіе говоры Могилевской и Минской губ., гдѣ встрѣчаются формы *двур*, *вуол*, *пѣч* и т. п. (стр. 95—96); Довнаръ-Запольскій (о бѣлорус. говорѣ Минскаго уѣзда въ 1-омъ вып. „Живой Старины“ 1893 г.) приводитъ даже *буорздый*, *вѣовк* и т. п., гдѣ въ *yo* измѣнилось *o* изъ первонач. *ъ*, а также *коунъ*, гдѣ *ö* измѣнилось въ *ou*. Возраженіе проф. Соболевскаго (Ж. М. Н. пр. 1894, апрѣль, стр. 429), что „ц. славянскіе стихи и нотныя книги не даютъ намъ ни малѣйшаго права говорить о неслоговомъ произношеніи *ъ* въ *богъ* и т. п.“, я думаю устранить такимъ образомъ, что, если *ъ* не исчезало совсѣмъ, а становилось лишь неслововымъ, то въ стихахъ, а иногда и въ прозѣ подъ вліяніемъ двусложности формъ другихъ падежей, *ъ* неслогов. могло стать слогов., при чемъ долгіе или полудолгіе *e* и *o* предшеств. слога могли вторично сокращаться, передавая часть своей длительности возродившемуся конечному слогу ¹⁾. Кромѣ того, необходимо и здѣсь не забывать различіе говоровъ общесловян. языка. Глава 10-я посвящена Шахматовымъ этимъ дифтонгическимъ сочетаніямъ въ западнорусскихъ нарѣчіяхъ. Здѣсь я несогласенъ съ авторомъ въ одномъ: онъ не хочетъ признать архаичности дифтонговъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ (стр. 120), а приписываетъ ихъ вліянію сосѣднихъ бѣлорусскихъ говоровъ, въ чемъ онъ расходится съ А. А. Потебнею и сходится съ Довнаръ-Запольскимъ (въ указан. статьѣ); я думаю, что и въ тѣхъ и другихъ, какъ сосѣднихъ, это явленіе могло быть остаткомъ старины, и трудно рѣшить, было ли съ которойнибудь стороны заимствованіе. Но вполнѣ соглашаюсь, что дифтонгическія сочетанія могли существовать въ древнѣйшую эпоху въ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ (по крайней мѣрѣ въ части ихъ), и мнѣ кажется вѣроятнымъ, что именно новый законъ объ удареніи въ восточнорусскомъ, ослабившій неударяемые слоги, повліялъ на исчезновеніе дифтонговъ въ большинствѣ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, что именно удар. *yo*, *юо*, *ie*, чередуясь съ *a*, *я* (*i*) неударяем., явившимися вслѣдствіе сокращенія долгихъ *o* и *e*, замѣни-

¹⁾ Впрочемъ, предшествующій слогъ могъ оставаться долгимъ и при слоговомъ *ъ* въ слѣд., какъ показываютъ формы род. п. множ. ч. въ сербск., напр. *жѣна*, *вѣда*, *жаба* и т. п. (Pavić, Studije o hrvatsk. akcentu, u Zagrebu 1881, стр. 3, 4, 12, Шахматовъ „Къ истор. серб.-хорв. удареній“, стр. 57—58).

лись черезъ *о, ё, е*, которые вообще отвѣчали въ положеніи подъ удареніемъ звукамъ *а, я (і)* въ слогахъ неударяемыхъ (стр. 120) ¹⁾.

Что касается самаго дѣленія русскихъ говоровъ на двѣ большія группы югозападную и восточную съ отнесеніемъ къ послѣдней и бѣло-русскихъ говоровъ, то объ этомъ скажу подъ конецъ тѣмъ болѣе, что въ напечатанной вслѣдъ за диссертацией статьѣ авторъ нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе. Теперь же перейду къ другимъ важнымъ вопросамъ русской фонетики, разбираемымъ въ диссертации. Авторъ весьма подробно останавливается на исторіи звука *ъ*, причемъ обращаетъ вниманіе какъ на правописаніе памятниковъ, такъ и на явленія живыхъ говоровъ. Прежде всего въ памятникахъ онъ различаетъ передачу церковно-славянскаго *ъ* отъ передачи *ъ* русскаго. Онъ указываетъ на то, что передача *ъ* черезъ *е* въ текстахъ церковнаго характера обусловливается различнымъ произношеніемъ *ъ* ц. славянскаго и *ъ* русскаго. Эту мысль онъ высказалъ еще ранѣе въ „Исслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ“, но здѣсь онъ измѣнилъ мнѣніе о характерѣ звука *ъ* въ старо-славянскомъ яз., точнѣе въ говорѣ этого языка, легшемъ въ основаніе нашего церковнаго языка. А именно, въ „Исслѣд. о яз. новгор. грам.“ (стр. 212) онъ говоритъ: „можно думать, что *ъ* было въ нѣкоторыхъ старославянскихъ говорахъ *открытымъ*, опредѣляя его за Фортунатовымъ..... какъ звуковое сочетаніе изъ *і+е* открыт.“ Въ разбираемомъ же нами сочиненіи (стр. 134) говорится: „Если предположить, что звукъ, соотвѣтствовавшій русскому звуку *ъ*, звучалъ въ старо-слав. нарѣчій, легшемъ въ основаніе нашего церковнаго языка, не какъ *іе*, а какъ *монофтонгъ*, а такое предположеніе, думаю, не можетъ встрѣтить затрудненій ни въ старославянскихъ памятникахъ, ни въ дальнѣйшей судьбѣ старославянскихъ нарѣчій, то придемъ къ заключенію, что церковное *ъ* въ русскомъ правописаніи не могло передаваться дифтонгомъ *іе*, а должно было передаваться монофтонгомъ изъ ряда звуковъ *е*..... очевидно, русское *е* всего ближе передавало старославянскій звукъ..... въ церковныхъ книгъ въ церковнорусскомъ произношеніи читалось какъ *е*“..... Такимъ образомъ, признавая раньше *ъ* церковное звукомъ дифтонгическимъ и открытымъ во 2-й своей части, Ш. здѣсь признаетъ его звукомъ монофтонгическимъ и закрытымъ (склоннымъ къ *і*) (сравн. также гл. 3, стр. 25), причемъ указаніе на то, что церковное *ъ* произносилось у насъ не какъ *е* открытое, а какъ *е* склон. къ *і*, Ш. видитъ въ нерѣдкой замѣнѣ *е* изъ церк. *ъ* черезъ

¹⁾ Но возможно, что дифтонги успѣли развиваться лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ общевосточнорусскаго языка, а потому потомки ихъ и извѣстны лишь въ потомкахъ этихъ говоровъ.

и въ древне-русскихъ памятникахъ (Сборн. 1073 г. придание, Минея 1095 г. привысоки, Лавр. л. прид ними и мн. др.), а также въ томъ обстоятельствѣ, что памятники, употребляющіе *ь* вмѣсто *е* въ положеніи передъ небнымъ звукомъ, употребляютъ *ь* и для церковнаго *ь*, между тѣмъ какъ въ памятникахъ, не смѣшивающихъ *е* и *ь* въ русскихъ словахъ, эти церковно-книжныя слова пишутся черезъ *е*. Къ числу такихъ книжныхъ формъ, не провѣрившихся въ народномъ языкѣ, не находившихъ въ немъ соотвѣтствія, относится напр. предлогъ *прѣ*, *прѣдѣ* = рус. пере —, передъ, а также вообще неполногласныя формы съ *ръ* вмѣсто *ере*, которыя и писались б. ч. черезъ *е* (пре-древо и т. п.). Такое же произношеніе *е*¹ III. предполагаетъ и для всякаго вообще церковнаго *е* въ русскомъ яз. (гл. 3), на что указываетъ замѣна его иногда черезъ *и*, иногда черезъ *ь* въ древнерусскихъ памятникахъ, причемъ буква *ь* означаетъ замѣну искусственнаго произношенія *е*¹ передъ твердымъ слогомъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *іе* (стр. 23). Если и нельзя не согласиться съ авторомъ въ томъ, что для русскихъ писцовъ церковн.-слов. *ь* было б. ч. звукомъ закрытымъ склоннымъ къ *і*, тѣмъ не менѣе правописаніе древнѣйшихъ старословянскихъ памятниковъ, особенно глаголическихъ, имѣющихъ одинъ знакъ для *ь* и *я*, никакъ не говоритъ въ пользу такого произношенія *ь* въ старословянскихъ говорахъ, а скорѣе въ пользу произношенія, предположеннаго въ „Изслѣд. о яз. новгород. грамотъ“. Что же касается русскаго *ь*, то авторъ предполагаетъ *дифтонгическое произношеніе* его въ общерусскую эпоху; такимъ образомъ *ь* = *іе*, причемъ еще въ общерусскую эпоху, какъ и всякое *е*, *е* во второй части дифтонга было открытымъ передъ слѣдующимъ твердымъ звукомъ и въ конечномъ открытомъ слогѣ, — закрытымъ (склоннымъ къ *і*) передъ слѣд. мягкимъ звукомъ¹). Въ югозападной группѣ говоровъ въ этомъ дифтонгѣ, какъ и въ новыхъ дифтонгахъ изъ долгаго *е*, получила преобладаніе б. ч. первая часть (*і*), откуда украинское и галицкое *і*. Относительно же произношенія *ь* въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ авторъ на основаніи изслѣдованія правописанія памятниковъ и произношенія живыхъ говоровъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ (гл. 12, стр. 163): слѣдуетъ различать три главныя группы говоровъ А, В и С; группа А измѣнила *іе*^а и *іе*^і въ ударяемыхъ слогахъ въ *е*^і (*е* склон. къ *і*), въ непосред-

¹) Въ „Изслѣдов. о яз. новг. грам.“ стр. 213 онъ признаетъ общерусское *ь* дифтонгомъ со звукомъ закрытымъ во второй части, и въ этомъ видитъ отступленіе отъ общесловянскаго, въ которомъ „какъ и въ старослав., дифтонгическое сочетаніе = *ь* во второй части имѣло вѣроятно открытый звукъ“..... (стр. 212).

ственно предшествующихъ ударенію слогамъ въ *ä* закрытое ¹⁾, въ прочихъ неударяемыхъ слогамъ въ *e* закрытое гортаннонебное; группа В *ie^a* и *ieⁱ* измѣнила подѣ удареніемъ въ *e^a* и *eⁱ*, въ слогѣ передѣ ударен. въ *ä* закрытое ¹⁾, въ прочихъ неударяемыхъ слогамъ въ *e* гортаннонебное закрытое; гр. С. измѣнила подѣ удареніемъ *ie^a* въ *e^a*, *ieⁱ* въ *eⁱ*, непосредственно передѣ ударен. *ie^a* въ *ä* открытое ¹⁾, *ieⁱ* въ *ä* закрытое, въ прочихъ неударяемыхъ слогамъ *ieⁱ* въ *e* гортаннонебн., *ie^a* въ *ä* или *e* гортаннонебн. Подѣ группой А разумѣются говоры сѣверно-великорусскіе, въ которыхъ закрытое *e* и до сихъ поръ мѣстами слышится вмѣсто стараго *ъ* даже передѣ слогомъ твердымъ, чередуясь иногда, особенно передѣ мягкимъ слогомъ, со звукомъ *i*: не только *veⁱnik* (вѣник), но и *veⁱra* (вѣра). Между тѣмъ въ гр. В *вѣра* произносится съ *e* открытымъ склоннымъ къ *a* (*ve^ara*) и только въ слогѣ передѣ удареніемъ *säkü*, *läsä* (*сѣку*, *лѣса*) съ *ä* закрытымъ склон. къ *i*, а въ гр. С даже *säkü*, *läsä* и т. п. съ *ä* открытымъ, откуда *säkü* и т. п. Я не буду входить въ подробности о болѣе мѣлкихъ развѣтвленіяхъ, а скажу, что говоры В и С заключаютъ въ себѣ говоры южно-великорусскіе и бѣлорусскіе; такъ какъ говорамъ группы В очень мало, то III. считаетъ возможнымъ (стр. 171) отнести ихъ вмѣстѣ съ говорами С въ одну группу ВС; къ говорамъ В онъ причисляетъ московскій. Что касается употребленія *и* вмѣсто *ъ* въ памятникахъ XI—XII в., то III. видитъ въ немъ не звукъ *i*, замѣнившій дифтонгъ *ie*, а звукъ закрытаго, склоннаго къ *i*, *e*, замѣнившего въ церковномъ произношеніи звукъ, соотвѣтствующій русскому *ie* (*ъ*) (стр. 137); только въ памятникахъ XIV—XV—XVI стол. онъ видитъ уже передачу дѣйствительно народнаго произношенія *ъ* какъ *i* (стр. 168—169). Происхожденіе этого сѣвернаго *и* (напр. въ словахъ *хлеб*, *рина*) авторъ объясняетъ изъ *ie* черезъ посредство *i^e* при условіяхъ, благопріятствовавшихъ возобладанію болѣе небнаго звука.

Въ слѣдующихъ главахъ, начиная съ 13-й, дѣло идетъ о различныхъ измѣненіяхъ, которымъ подверглись гласные *e*, *o*, *a* въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ, благодаря появленію новаго закона объ удареніи словъ. Сначала авторъ даетъ опредѣленіе тѣхъ гласныхъ ряда *o—e*, какіе были, по его мнѣнію, въ общерусскомъ языкѣ. Онъ предполагаетъ, что общерусское *o* было звукомъ открытымъ, склоннымъ къ *a* (обознач. черезъ *o^a*), общерус. *e*—также открытымъ склон. къ *a* (обозн. *ä*), обще-

¹⁾ Сравни также главу 14, стр. 195, гдѣ сдѣланы поправки къ указанному мѣсту главы 12-й; подѣ *ä* разумѣется особаго рода *e*, по терминологіи Bell'a „low-front“ („нижне-небное“), которое можетъ быть закрытымъ (*narrow, geschlossen*) и открытымъ (*wide, offen*), какъ и всякій гласн. звукъ (Sievers, Gr. 3⁹⁵).

рус. *eⁱ*—закрытымъ, соотвѣтствующимъ открытому *ä*, общерус. *ö* (изъ *e* послѣ мягк. согласныхъ передъ твердыми)—болѣе открыт., чѣмъ франц. *ei* и нѣм. *ö*, и такъ относящимся къ зв. *ö*, извѣстному въ носовомъ видѣ во франц. *in*, какъ вообще открытые звуки относятся къ закрытымъ. Свое предположеніе о характерѣ звуковъ общерусскаго яз. авторъ ставитъ въ связь съ явленіями исторіи русскаго яз. Открытость и склонность къ *a* звука *o* подтверждается указаніемъ на передачу греческихъ словъ въ древне-русскомъ яз.: съ одной стороны *a* передается черезъ *o* (грамота, афонасей), съ другой—*o* черезъ *a* (манастирь, тиманей, крылас = *κλῆρος*, малорус. тытарь = *κτίτωρ*), а также появленіемъ *a* вм. *o* передъ слогомъ съ слѣдующимъ ударяемымъ *a* въ малорусскихъ словахъ: багатъ, гараздъ, гарячій. Существованіе звука *ä* открытаго въ конечномъ открытомъ слогѣ въ общерус. яз. доказывается появленіемъ *a* вм. *e* въ неудар. слогахъ въ нарѣчіяхъ восточнорусскихъ, а также такими случаями, какъ словянский, малор. *любязно* (Квитка), коляса ¹⁾, гдѣ *a* изъ *ä*, замѣнившаго *ö* подъ вліяніемъ случаевъ, какъ словесникъ, колеісникъ, колеісă (род. един. ч., т. е. *колесе*), гдѣ *eⁱ* передъ слѣд. мягкимъ звукомъ (срв. стр. 84—85 въ гл. 7-й), т. е. звукъ *ö*, который долженъ былъ явиться передъ отвердѣвшими согласными, замѣнялся звукомъ *ä* открытымъ, откуда далѣе *a*, подъ вліяніемъ родственныхъ словъ съ *ä* закрытымъ (= *eⁱ*), явившимся и сохранившимся передъ слѣдующими мягкими звуками (стр. 179).

Переходя къ вопросу объ удареніи въ общерусскомъ яз., авторъ предполагаетъ, что оно было, вѣроятно, музыкально-экспираторнымъ, т. е. распредѣлялось равномерно между всѣми частями слова, достигая въ одномъ изъ слоговъ наибольшаго напряженія ²⁾. Этотъ характеръ ударенія измѣнился въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ такимъ образомъ, что удареніе приняло исключительно экспираторный характеръ: вся сила его стала падать на одинъ слогъ, что сопровождалось ослабленіемъ слоговъ неударяемыхъ. Вліяніе новаго ударенія сказалось на измѣненіи какъ ударяемыхъ такъ и неударяемыхъ гласныхъ. Подъ удареніемъ они получили бѣдшую окраску лежащаго въ основаніи ихъ звука: *ä* открыт. измѣнилось въ *e* открытое (*e²*, *e^a*) и совпало такимъ образомъ

¹⁾ Относит. слова *коляска* возможно и другое объясненіе, предложенное А. А. Потебнею въ сочинен. „Значенія множественнаго числа въ русскомъ яз.“ (Филолог. Запис. 1887 г., вып. II), а именно, что это слово въ русск. перешло изъ польскаго, гдѣ *kolasa* заимствовано м. б. изъ ниже-лужицкаго, въ которомъ *a* изъ неудар. *e* послѣ мягк. согласн. обычное явленіе.

²⁾ Сравните его соображенія объ удареніяхъ общесловянскихъ и общесербскихъ въ статьѣ „Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній“, стр. 40—62.

со звукомъ *e^a*, явившимся подъ удареніемъ въ говорахъ В и С изъ дифтонгич. сочетанія *ie^a*, *ä* же закрытое измѣнилось въ *e* закрытое и совпало съ *eⁱ* изъ *ieⁱ* въ тѣхъ же говорахъ, а въ говорахъ А и изъ *ie^a*, *o^a* и *ö* склон. къ *a* перешли въ *o* открытое несклонное къ *a*; такимъ образомъ явились напр. восточнорус. *спитѣ* вмѣсто *спитä*, род. един. ч. *менѣ* вмѣсто *менä* (изъ послѣдняго при энклитическомъ употребленіи получалось *меня* ¹⁾), которое затѣмъ въ нѣкоторыхъ говорахъ вытѣснило *менѣ* и стало употребляться и съ удареніемъ на *я*), винит. ед. *вѣду*, вѣсну съ открытымъ яснымъ *o* вмѣсто болѣе древнихъ *во^aду*, *вѣсну* съ *o* и *ö* склонными къ *a* и т. п. Въ той же главѣ (13-й) авторъ указываетъ на нѣкоторые случаи появленія *e* открытаго вмѣсто *o* (изъ *ö*) подъ вліяніемъ родственныхъ образований съ *e* закрытымъ, а затѣмъ приводитъ изъ памятниковъ древнѣйшіе примѣры измѣненія звука *ö* склон. къ *a* въ *o* открытое (послѣ мягкаго согласнаго изъ стараго полу-мягкаго), которые восходятъ къ XIII-му в. (болѣе ранніе XI-го вѣка авторъ считаетъ описками). Въ слѣдующей (14-й) главѣ говорится объ измѣненіи неударяемыхъ гласныхъ въ восточнорусскихъ нарѣчіяхъ. Слогъ, предшествующій ударяемому, по мнѣнію автора, сохранилъ тотъ самый экспираторный вѣсъ, съ которымъ былъ полученъ въ общерусскомъ языкѣ, такъ что гласные звуки здѣсь остались безъ измѣненія: здѣсь сохранились *ä* закрытое, *ä* открытое (изъ *ъ* передъ твердымъ слогомъ въ говорахъ С), *o* склон. къ *a*: *läniŭ*, *näsi*, *päsök*, *vo^adä* и т. п. (сравн. выше *o* звукъ *ä* по поводу передачи въ говорахъ стараго *ъ*). Въ прочихъ же неударяемыхъ слогахъ изъ *a*, *o*, *e* развились звуки гортанно-небные, болѣе гласныхъ другого мѣста образованія способные въ редукціи (о нихъ срав. выше). При этомъ сдѣлаю одно замѣчаніе. Мнѣ кажется, что конечный гласный въ словѣ *сало* неодинаковъ съ гласнымъ *o* послѣ *к* въ словѣ *около* и *o* конечнаго слога въ словѣ *ібород(ъ)*, а между тѣмъ всѣ три, а также и конечное *o* въ *около* III. означаетъ одинаково черезъ *o* съ точкою (стр. 197); точно также нельзя, мнѣ кажется, одинаково обозначать черезъ *a* съ точкою надъ нимъ такіе различные звуки, какъ *a* въ слогѣ *ка* слова *плäкамъ*, а въ 1-мъ слогѣ слова *старикү* и съ другой стороны *a* въ конечномъ слогѣ слова *сила*. Въ слогахъ закрытыхъ послѣ ударенія гласный подвергся болѣе степеніи редукціи, чѣмъ въ слогахъ открытыхъ, и только въ первомъ случаѣ онъ по своей слабости можетъ равняться гласному въ слогѣ 3-мъ (считая ударяемый)

¹⁾ Это слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что въ неударяемомъ слогѣ изъ стараго звука *ä* открытаго вслѣдствіе редукціи получалось не *e* открыт., а *я* (т. е. *a* послѣ мягк. согласнаго).

передъ удареніемъ (сравн. Богородицкаго „Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ яз.“ гл. III, IV и V, Казань, 1884), при чемъ, кромѣ того, разница въ степени слабости гласнаго обуславливается также качествомъ сопутствующихъ согласныхъ, такъ что напр. гласные *о* въ слогѣ *ко* (передъ *л*) слова *около*, второе *о* въ *голову*, а слога *ка* въ *пла-кам* отличаются, несмотря на одинаковость положенія, большей слабостью, нежели напр. неудар. *о* въ род. ед. *пѣвода* или въ выраженіи „*ид боку*“¹⁾. Вслѣдствіе этого, оставляя *о*, *а*, *е* съ точкою надъ ними для гласныхъ менѣе редуцированныхъ, я предложилъ бы вслѣдъ за Богородицкимъ для болѣе редуцированныхъ употреблять *э* и *ь*; въ случаяхъ же, гдѣ въ *діалектахъ* при плавныхъ *л* или *р*, а можетъ быть, и нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ (*в*) слышится редукція гласнаго звука до нуля, не писать и *э* (*ь*), а означать какимъ нибудь способомъ, что слогъ образуется однимъ согласнымъ (*л*, *р*, *в*), напр. точкою или кружкомъ подъ буквой *р*. *л*, *в* и т. п., если только дѣйствительно еще можно при этихъ звукахъ слышать отдѣльный слогъ, а не считать ихъ примкнувшими въ слогов. отношеніи къ предшествующимъ гласнымъ (срав. о сокращен. гортаннонебныхъ гласныхъ у Шахматова въ гл. 22-ой, стр. 279, 290—91).

Слѣдующія главы 15-я, 16-я, 17-я, 18-я и 19-я посвящены вопросу о вліяніи небныхъ согласныхъ на гласные *а—о* въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ. Сначала разсматриваются тѣ наиболѣе распространенныя явленія, когда послѣ всякихъ согласныхъ мягкихъ въ неударяемыхъ слогахъ гласные *а* и *о* подверглись измѣненію; всѣ эти говоры названы авторомъ говорами *β* въ отличіе отъ говоровъ *α*, которые такого измѣненія не знали; такимъ образомъ, въ говорахъ *β* является *веснѣ*, въ говорахъ *α—вѣснѣ* или *вяснѣ*; кромѣ того, существуютъ говоры *β*, гдѣ и ударяемое *а* измѣнилось черезъ посредство *ѣ* въ *е*: *кнезь*, *зеть* и т. п. (напр. въ нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говорахъ). Дѣленіе *α* и *β* не совпадаетъ съ дѣленіемъ *А* и *В*. Говоры *α* и *β* одинаково могутъ встрѣчаться и въ сѣверно—и въ южно-великорусскомъ. Самымъ типичнымъ говоромъ *β* авторъ считаетъ московскій; кромѣ него, вполне послѣдовательнаго говора *β* не встрѣчается въ южновеликорусскомъ и бѣлорусскомъ. Авторъ приводитъ примѣры этого явленія, входящія къ XIII столѣтію (Синод. сп. Новгср. лѣт., поч. 1 и 2), въ древнерусскомъ, при чемъ это закрытое *ѣ* обозначалось черезъ *ь*, такъ какъ

¹⁾ Хотя въ различныхъ діалектахъ можетъ быть разница, но вообще вѣрно, что слогъ открытый послѣ ударенія сильнѣе закрытаго, такъ что, строя общую формулу для восточно-русскихъ нарѣчій, необходимо это имѣть въ виду. Разумѣется, въ рѣчи изъ нѣсколькихъ словъ слогъ открытый можетъ стать закрытымъ.

звукъ этотъ совпадалъ въ большинствѣ говоровъ (А и В) съ рефлексомъ *ь* въ такомъ положеніи. Далѣе въ нѣкоторыхъ діалектахъ это закрытое *ä* измѣнялось въ *i*: *висна* и т. п. Такому же измѣненію подвергались какъ старое *a* послѣ мягкихъ согласныхъ (ч*е*сы) такъ и зв. *ä* открытый (С) изъ *ie^a* (*n*): *леса*—*лиса* (въ говорахъ А и В изъ *ä* закрытаго). Тоже стремленіе уже въ древнихъ памятникахъ замѣчается въ другихъ неударяемыхъ слогахъ: *горь* (имен. ед.) въ Новгор. I лѣтоп., *поль* гр. 1229, т. е. *горе*, *поле* съ *e* (гортаннонебнымъ) закрытымъ вмѣсто гортаннонебнаго *o* изъ *ö* (стр. 223). Затѣмъ авторъ разсматриваетъ діалектическія измѣненія звуковъ *a—e—o* подъ вліяніемъ смягченныхъ согласныхъ въ древне-псковскомъ говорѣ (сравн. Соболевскаго „Очерки изъ исторіи русскаго из.“) и другія болѣе рѣдкія діалектическія явленія изъ области вліянія небныхъ согласныхъ на гласные звуки. Глава 19-я занята именно вопросомъ объ измѣненіи *e* и *ä* закрытыхъ въ *i*, которое въ русскихъ словахъ восходитъ по памятникамъ къ XV в.

Послѣднія три главы трактуютъ о весьма важномъ вопросѣ—о явленіи *акающихъ* и *окающихъ* говоровъ въ восточнорусскомъ нарѣчій и объ измѣненіи въ нихъ звуковъ *a, e, o*. Я не буду подробно излагать всего богатаго содержанія этихъ главъ и укажу только на главнѣйшее. Важно то, что, кромѣ *окающихъ* говоровъ, авторъ среди сѣверныхъ различаетъ еще говоры *неокающіе*, т. е. не измѣнившіе въ слогѣ передъ удареніемъ древнее и общевосточнорусское *o* склон. къ *a* въ *o*. Такимъ образомъ, вопреки обычному мнѣнію, что говоры *окающіе* отличаются отъ *акающихъ* консервативностью, такъ какъ сохранили будто бы общерусское *o* въ слогѣ передъ удареніемъ, Шахматовъ и въ нихъ видитъ отступленіе отъ старины, что согласно съ общимъ духомъ всего сочиненія: въ общемъ предкѣ тѣхъ и другихъ должны были быть уже данныя для измѣненій въ двѣ противоположныя стороны, и нѣтъ основаній думать, чтобы одно нарѣчіе застыло на старинѣ, а другое измѣнялось; старина, несомнѣнно, должна была занимать среднее мѣсто между двумя крайностями. Консервативными у него являются только говоры *неокающіе*, т. е. говоры, по выраженію нѣкоторыхъ изслѣдователей, съ умѣреннымъ *оканьемъ*, но разумѣется, и здѣсь консервативность лишь относительная; такими III. считаетъ говоры сѣверо-западной части Олонецкой губ. (стр. 295—296). Что касается приводимыхъ авторомъ примѣровъ, то мнѣ кажется, что не всегда можно довѣрять точности тѣхъ записей, откуда они почерпнуты. Мнѣ представляется напр. сомнительнымъ, чтобы въ какомъ либо *окающемъ* говорѣ въ слогѣ третьемъ передъ удареніемъ слышалось *a* (хотя бы гортаннонебное и редуцированное); я думаю, что изслѣдователи и записыватели неточно передавали черезъ *a*

глухой зв. *ъ*¹⁾; а потому и позволяю себѣ предположить, что въ ярославскомъ напр. говорѣ, откуда г. Тихвинскій приводитъ *хорошѣ*, *гаворѣ* и т. п., слышится скорѣе, какъ и во многихъ другихъ окающихъ говорахъ (напр. Нижегородской и Симбирской губ.), *хѣрошѣ*, *гѣворѣ* и т. п. (срав. у Шахматова стр. 299—300). Приводимыя изъ нижегородскаго говора *дворѣ—атѣ*, *поѣздѣ—атѣ* еще болѣе укрѣпляютъ меня въ моемъ предположеніи (фонетически вѣрнѣе было бы *дворѣт.* *пѣздѣт.*). Общимъ началомъ, вызывающимъ въ окающихъ говорахъ много измѣненій, Шахматовъ справедливо признаетъ „стремленіе замѣнять въ неударяемыхъ слогахъ различные оттѣнки звука однимъ оттѣнкомъ, различные между собою близкіе звуки однимъ звукомъ“, вслѣдствіе чего „звуки *о* и *а* (гортаннонебные) въ отдѣльныхъ говорахъ совпадали между собою въ одномъ звукѣ *о* или *а*“ (въ московскомъ напр. *о* и *а* совпали послѣ согласныхъ въ *о* открытомъ гортаннонебномъ, такъ что одинаково *о* гортаннонебн. слышится въ *сѣно* и *пѣно*, въ *сторанѣ* и *сторику*) (стр. 268). Діалектическое южновеликорусское и бѣлорусское *ы* въ неудар. слогахъ вм. *о*, *а* первонач. авторъ выводитъ изъ *о* (гортаннонебнаго редуцированнаго); я же думаю, что не прямо, а черезъ посредство ирраціональнаго или глухого звука *ъ*; тоже имѣетъ силу и относительно измѣненія *е* гортаннонебн. въ *і* (срв. стр. 278—279). Въ послѣдней главѣ (23-ей), касающейся измѣненія звуковъ *а—о—е* въ сѣвернорусскихъ говорахъ, говорится между прочимъ о переходѣ зв. *о* въ слогѣ удар. и передъ удареніемъ въ *о* склон. къ *у* и въ *у*, а также объ измѣненіи въ *у* черезъ посредство *о* скл. къ *у* звука *о* гортаннонебн. и о многихъ другихъ частныхъ явленіяхъ окающихъ и неокającychъ говоровъ.

Этимъ я заканчиваю свои замѣтки собственно фонетическаго свойства по поводу богатаго содержаніемъ и оригинальностью выводовъ труда А. А. Шахматова, въ которомъ находимъ не только изложеніе судьбы звуковъ *е* и *о* въ русской группѣ говоровъ, но почти всѣхъ важнѣйшихъ явленій въ области русскаго вокализма (*ъ*, *ь*, *ы* и *і*, *ѣ*, *а*). Какъ на пробѣлѣ, могу указать на то, что не обращено вниманіе на

¹⁾ Подъ *ъ* я разумѣю именно тотъ звукъ, который авторъ называетъ ирраціональнымъ *ы*, т. е. звукъ *ы* редуцированный; напротивъ, въ окающихъ говорахъ въ этомъ положеніи слышится звукъ болѣе близкій къ *а*, вѣроятно, тотъ, что у Сиверса (стр. 95) „mittel—geschlossen-guttural“ или „niedrig-geschlossen guttural“ (англійск. или шотландск. *but*). Что касается обозначенія гортаннонебныхъ звуковъ постановкой точки надъ буквами *а*, *е*, *о*, то за неимѣніемъ соотвѣствующихъ знаковъ мнѣ приходится отступить въ этомъ отъ автора и каждый разъ при соотвѣствующей буквѣ прибавлять, что она означ. соотвѣств. гортаннонебн. звукъ.

оканье малорусское, въ какомъ отношеніи находится оно въ оканью сѣверно-русскому и къ общерусскому характеру звука *о*, а также на то, что такія явленія малорусскихъ говоровъ, какъ довыды, привылы, ныбоже, човын и т. п. случаи измѣненія неударяем. *е* (э) въ среднее *и* (сравн. стр. 106—107), а въ галицк даже *вісілѣ*, *сіло* (т. е. *і* вм. *э*), не слѣдовало бы оставлять безъ вниманія при разборѣ параллельныхъ явленій говоровъ восточнорусскихъ (сравните явленія говоровъ *β*). Не могу не упомянуть и о томъ, что нѣкоторымъ примѣрамъ, приводимымъ авторомъ для подтвержденія своихъ мнѣній, я далъ бы иное объясненіе. Напр. *желаты* (малор.) я не считаю замѣнившимъ звукъ *ѡ* на *ѣ* и далѣе *э* подъ вліяніемъ *жалѣти*, гдѣ также будто бы *а* изъ *ѣ* по извѣстному закону о переходѣ *е* передъ слогомъ со звуками *н—и—ь* въ *ѣ* (старослов. *желѣти*); оба примѣра, по моему, неудачны потому, что др. рус. и великорус. (олонец., яросл., нижегор. и др.) *жалати* есть не что иное, какъ учащательный видъ по отношенію къ *желѣти* ¹⁾, и *жа-* должно было получиться еще въ общесловянскую эпоху изъ *ѣѣ-*, какъ въ словѣ *жарѣ* по отношенію къ *жеравиѣ* (Miklosich, Lexicon. pal.) и т. п.; что же касается *жалѣти*, то, какъ показываетъ значеніе, оно неотжественно со старословян. *желѣти*, а производно отъ существит. *жалѣ*, гдѣ *жа-* также восходитъ къ *ѣѣ-* (срв. у Шахматова стр. 60, 61 и 63). Я думаю, что малорус. *желаты*, если оно не заимствовано изъ литературнаго языка, въ которомъ явилось, вѣроятно, съ одной стороны, благодаря вліянію церковной формы *желѣти*, съ другой,—произношенію говора изъ группы *β* (какъ *шелунѣ*, *чесы* и т. п. въ московскомъ произношеніи, весьма распространенномъ среди такъ называемаго „интеллигентнаго“ класса, а потому и литературномъ), можетъ быть объяснено дѣйствіемъ такого же фонетическаго закона, какой встрѣчаемъ въ великорусскихъ говорахъ *β*; діалектологія еще такъ мало изучена, что

¹⁾ Такое же отношеніе, какъ въ старослов. *прилѣгати* къ *прилежати*. Относительно *жалати*, правда, представляетъ нѣкоторое затрудненіе то обстоятельство, что форма эта не найдена въ древнѣйшихъ старословянскихъ памятникахъ, и Миклошичемъ приводится лишь изъ словаря Памвы Беринды, а ф. *желати* извѣстна въ старослов. рядомъ съ *желѣти*; но я все таки не вижу возможности другого объясненія, кромѣ указаннаго мною, такъ какъ *жала(ти)* встрѣчается не только въ довольно старыхъ памятникахъ русскихъ (Паисіевск. Сбор. XIV в., см. Пѣтухова Е. В. „Поученія Серапіона Владимирскаго“, стр. 14), но и южнославянскихъ (см. Словарь ц. слав. яз. А. Х. Востокова). Форма, приводимая Соболенскимъ (Очерки, стр. 137) изъ Типограф. псалт. XIV в., гдѣ часто *а* вм. *е* послѣ шипящихъ, для насъ въ данномъ случаѣ не такъ важна, какъ форма Паисіев. Сборн., вообще незнающаго мѣны *е* на *а*. Я не отрицаю, конечно, что и въ русскихъ говорахъ рядомъ съ формой *жа-* изгастри могла быть и ф. *же-*, какъ отраженіе глагольной основы съ кратк. кор. гласнымъ.

мы не можемъ отрицать существованія говоровъ β и среди малорусскихъ: начало образованія ихъ можетъ восходить еще въ общерусскую эпоху. Относит. словъ климятъ, пянтикоствя, сентябрь и т. п. (III. стр. 24) я согласенъ съ пр. Соболевскимъ (стр. 421—422), что я въ нихъ не возникло изъ e^a на русской почвѣ, а перешло изъ ц. словянскаго a . Ссылка (стр. 219) на Сборн. 1073 г. для доказательства въ древнерусск. формы род. п. мѣстоим. личн. 1 л. *мне* представляется рискованной въ виду возможности внесенія ея въ русскій списокъ изъ болгар. оригинала, такъ какъ эту форму мы находимъ и въ Синайской глаголич. псалтыри (см. издан. Гейтлера, стр. 2, 7, 8, 93).

Въ заключеніе я хочу сказать нѣсколько словъ объ интересныхъ выводахъ, сдѣланныхъ авторомъ по вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій какъ въ диссертациі, такъ и въ статьѣ „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“ (Р. Ф. В. 1894, стр. 1—12). Я уже говорилъ, что въ послѣднемъ сочиненіи онъ нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе. А именно, въ разобранной нами диссертациі онъ разсматриваетъ бѣлорусскую группу не только, какъ часть восточно-русской, но и ставить её въ ближайшее родство съ группой южновеликорусской въ противоположность сѣверновеликорусской (или „сѣвернорусской“). Только историческія обстоятельства, сопровождавшія усиленіе Москвы и собраніе вокругъ нея всѣхъ южно- и сѣверно-великорусскихъ племенъ ¹⁾, а съ другой стороны собраніе бѣлорусскихъ племенъ ¹⁾ въ союзъ Литовско-русскомъ, разорвали старую связь южно-великорусской группы съ бѣлорусской и сблизили её съ сѣвернорусской; это собраніе вокругъ Москвы тѣхъ восточнорусскихъ племенъ ¹⁾, которыя не вошли въ группу литовскорусскую, и было началомъ образованія собственно великорусскаго нарѣчія, двѣ главныя части котораго раньше были между собою дальше, чѣмъ одна изъ нихъ (южная) къ бѣлорусскому. XIV-ый вѣкъ авторъ считаетъ началомъ великорусской и бѣлорусской обособленной жизни (стр. 253—254). Иначе смотритъ на отношеніе главныхъ русскихъ нарѣчій авторъ въ упомянутой статьѣ, напечатанной послѣ диссертациі. Здѣсь онъ уже въ древнѣйшую эпоху дѣлитъ русскіе говоры не на 2, а на 3 главныя части, признавая, кромѣ югозападныхъ (галицко-волинскихъ) и восточныхъ говоровъ, еще группу сѣверо-западную (около Полоцка). Кромѣ того, и восточная, по его мнѣнію, дѣлилась уже въ древности на сѣверо-восточную и юго-восточную (къ послѣдней относился и говоръ древне-кѣвскій). Къ явленіямъ, послу-

¹⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что слово „племя“ здѣсь и дальше понимается, конечно, не въ антропологическомъ, а этнографическо-лингвистическомъ смыслѣ, т. е. какъ группа населенія, говорящаго близкими между собою говорами.

жившимъ гранью между восточными и западными говорами, авторъ относитъ измѣненіе *ий* и *ій* въ восточныхъ говорахъ въ *ой* и *ей*. Послѣ татарскаго нашествія юговостоčno-русскія племена (отъ Кіева до Рязани), ища безопасности, примкнули частію къ сильному сѣверо-восточному княжеству, частію къ сѣверозападно-русскому, а затѣмъ Литовско-русскому союзу, частію остались независимыми въ Рязанскомъ княжествѣ. Эти политическія событія имѣли важное значеніе. Благодаря присоединенію къ сѣверо-восточному княжеству части юговостоčnýchъ племенъ ¹⁾, центръ этого княжества былъ перенесенъ немного на юго-западъ, въ мѣстность, гдѣ начиналась уже область племенъ юговостоčnýchъ, изъ Владимира въ Москву, возлѣ которой современемъ собрались всѣ восточнорусскія племена. Говоры этихъ юговостоčnýchъ племенъ подверглись вліянію сѣверному; отсюда у нихъ *и* вмѣсто юговосточнаго *h*, *m* твердое въ окончаніи глаголовъ 3 л. наст. врем.; съ другой стороны въ говорахъ сосѣднихъ сѣверо-восточныхъ и московскихъ одинаково являлись формы *сѣло*, *свѣтой* и т. п. при *сѣло* другихъ сѣверовостоčnýchъ и *сяло* другихъ юговостоčnýchъ. Между тѣмъ западная часть (губерніи Черниговская, Орловская, Калужская, часть Тульской) юговостоčnýchъ племенъ, соединившихся съ сѣверозападными, повлияла на языкъ племенъ сѣверозападныхъ и передала ему нѣкоторыя черты своего говора (аканье, измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ въ гортаннонебные и т. п.). Такимъ образомъ, по послѣднему мнѣнію Шахматова, бѣлорусское нарѣчіе образовалось въ XIII—XV в. вслѣдствіе вліянія племенъ юговостоčnýchъ, которыя будто бы задавали тонъ въ Литовскорусскомъ государствѣ, на сѣверозападныхъ; аканье и другія общія съ южновеликорусскимъ черты въ немъ, по его мнѣнію, заимствованы изъ говоровъ юговостоčnýchъ, предковъ нынѣшнихъ южновеликорусскихъ, а произношеніе *крыю*, *шмя*—остатки стараго сѣверозападнаго нарѣчія, говоры котораго въ древности на сѣверѣ сходились съ сѣверовосточными (къ сѣверу отъ Полоцка и Смоленска), на югѣ и югозападѣ съ югозападными говорами (въ землѣ Городенской); юговосточное аканье, по его мнѣнію, распространилось такъ далеко на сѣверозападъ и югозападъ, что съ одной стороны перешло границы сѣверозападнаго нарѣчія на сѣверѣ, захвативъ Ржевъ и Великія Луки, съ другой на югозападѣ, проникнувъ въ Городенскую и Пинскую области. По поводу этого замѣчу, что дѣйствительно трудно отстаивать одну общую нѣкогда бѣлорусско-южновеликорусскую группу въ виду нѣкоторыхъ чертъ коренного различія говоровъ бѣлорусскихъ съ одной и

¹⁾ См. выноски на предыдущей страницѣ.

Л.В.

южновеликорусскихъ съ другой стороны, но мнѣ кажется, что и каждая группа въ отдѣльности неоднородна, и между южновеликорусскими говорами одни ближе къ сѣверновеликорусскимъ, другіе къ бѣлорусскимъ, какъ и между бѣлорусскими югозападные ближе къ малорусскимъ, восточные—къ южновеликорусскимъ, и едва ли мы можемъ рѣшить, какой говоръ есть истинно-бѣлорусскій, какой истинно-южновеликорусскій, какой истинно-малорусскій; мы видимъ только непрерывную цѣпь говоровъ, постепенно переходящихъ одинъ въ другой; только тамъ, гдѣ были позднѣйшія переселенія, иногда рѣзко отличаются другъ отъ друга два сосѣднихъ говора ¹⁾. А заимствованіе аканья и т. п. на такомъ большомъ пространствѣ изъ однихъ говоровъ юговосточныхъ всетаки мнѣ кажется сомнительнымъ.

Что касается нынѣшнихъ малорусскихъ говоровъ, то въ обоихъ сочиненіяхъ Шахматовъ вслѣдъ за Соболевскимъ отодвигаетъ предковъ ихъ далеко на западъ, въ древнія княжества Галицкое ²⁾ и Волынское, причемъ они уже въ древности дѣлились на двѣ группы галицкую и волынскую соответственно нынѣшнимъ галицкой и украинской; съ запада распространились волынскіе говоры на востокъ до Днѣпра и за Днѣпръ уже въ историческое время послѣ татарскаго нашествія. Къ сожалѣнію, однако, мнѣніе это онъ, вѣроятно, считая доказаннымъ, не подкрѣпилъ никакими болѣе основательными (послѣ извѣстныхъ уже изъ сочинен. Соболевскаго) доказательствами и оставилъ безъ вниманія соображенія И. В. Ягича („Четыре критико-палеографическія статьи“, стр. 98—102, (1884 г.) и „Критическія замѣтки по исторіи русскаго яз.“, 1889, стр. 11—17) относительно древне-кѣвскаго говора, который, вѣроятно, составлялъ, естественный переходъ отъ галицко-волынскаго къ „центральному великорусскому“ (для той эпохи удобнѣе, мнѣ кажется, употребить выраженіе: „восточно-русскому“) (срв. „Критич. замѣтки“..., стр. 13).

¹⁾ Какъ напр. южновеликорусскіе и украинскіе говоры въ Харьковской губ.; но и здѣсь вслѣдствіе вѣднмодѣйствія говоровъ изъ различныхъ группъ образовался рядъ говоровъ смѣшанныхъ; мы не имѣемъ никакого основанія не предполагать подобныхъ фактовъ уже въ древнѣйшій періодъ русской исторіи.

²⁾ Какъ извѣстно, это старое мнѣніе М. И. Погодина и П. А. Лавровскаго; только они ограничивались Карпатами, а Соболевскій и Шахматовъ присоединили еще Волынь.

4 октября
1894.

Б. Ляпуновъ.

Оттиски изъ «Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета» IV, 1894 г.

Харьковъ. Типографія Зильберберга, Рыбная—№ 25.